

*А.И.Щербинин,
кандидат исторических наук,
Томский государственный университет*

Человек во власти (региональные политические элиты в современном избирательном процессе)

Интерес отечественной политологии к элите в последнее время диктуется не только ее статуарными проблемами, но и позиционированием в политическом процессе. В частности, новый импульс к изучению теории элит возник в связи с актуализацией более общей проблемы, а именно политического транзита в России. Ибо согласно базовым теориям транзита, именно на элиту возлагается важнейшая задача обеспечения безболезненного перехода от авторитарных режимов к демократии.

Политический процесс представляет собой вектор, на который оказывают влияние различные силы в центре и на местах. Он не

только интегрирует общенациональные тенденции, но и все более активно включает региональный компонент. Наиболее важную роль среди факторов, воздействующих на ход и результаты данного процесса в нашей стране, продолжает играть государство в исконно русском его понимании, а именно как "хозяйство государя". Это является еще одним свидетельством того, что Россия и поныне продолжает оставаться страной архаической политической культуры, обнаружившей лишь некоторые, зачастую поверхностные тенденции к модернизации.

Сегодня в нашей стране государственную власть понимают практически так же, как ее понимали Гоббс или Крижанич: это не просто "собственность государя", а сакральная вещь, субстанция, которую можно передать по наследству. Причем государь сам определяет преемника, создает сакральную обстановку передачи царских инсигний (от ядерного чемоданчика до ручки, которой подписывались важнейшие документы). И все это происходит на пороге нового века, нового тысячелетия. Ельцин, подобно Моисею, не стал переходить границу земли обетованной, но, как говорится, "куда конь с копытом..." На местах властедержцы тоже не просто приучают подданных к сакральному трепету перед собственной властью, не просто приватизируют ее путем умелого манипулирования местными законами, но тоже говорят о преемниках. Дескать, пока не время передавать власть, а наступит срок, сам назову преемника. То, что складывается сегодня в России, это федерализм улусников и демократия холопов. Этническая сторона вопроса к данному определению имеет малое отношение. Выборы по-рахимовски, влекущие за собой сегодняшней "башкирский вариант правления", становятся массовым явлением. И в данной ситуации проблема элиты приобретает политическую злободневность.

Чем сегодняшняя элита в России отличается от демократической ватаги, шедшей за первыми вождями? Прочностью власти новых российских государей. Сама парадигма государства предполагает ответ на вопрос, вынесенный в заголовок данного доклада. Вспомним, что говорил М.М.Бахтин о Власти-Как-Преступлении. "Все поступки Макбета определяются железной логикой всякого увенчания и всякой власти (враждебной смене), конститутивный момент ее — насилие, угнетение, ложь, трепет и страх подвластным и обратный, возвратный страх властителя перед подвластным. Это — надюрисдикционное преступление всякой власти..."¹ Таким образом, статус элиты уже сам по себе предполагает максимальную близость к возможности захватить власть, т.е. к той самой "враждебности к смене". Наглядно-демонстративное отношение государя к элите было продемонстрировано режимом Б.Ельцина, когда за

¹ Бахтин М.М. Дополнения и изменения к "Рабле" // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 5. С. 86.

два года было сменено шесть премьер-министров. Государь как политический тип в наибольшей степени подвержен синдрому Кроноса. В силу этого государство практически не предполагает наличия относительно самостоятельной политической элиты. Историк И.Е.Забелин писал, что «...именем "государь" обозначился известный тип жизненных отношений, именно властных, оборотная сторона которого выставляла противоположный тип раба, холопа или вообще слуги. Осподарь был немислим без холопа, так и холоп не был понятен без осподаря»¹.

Этимологически понятие "власть" как "владение" распространяются на весь Жизненный мир, без исключения. Элита, концентрируя в себе, по определению, наивысшую способность к управлению различными сферами жизни общества, с точки зрения государя, составляет лишь наиболее продуктивный ресурс его хозяйства. Именно она агрегирует в своем "политическом теле" финансы и промышленный потенциал, интеллект и духовность более широких социальных групп. Концентрация значительной части национального потенциала в узком социальном круге делает отношения государя с ним весьма сложными — от поощрения и подпитывания до отрицания, борьбы, уничтожения. Примером такого взаимодействия—противодействия являются отношения между Б.Ельциным и Ю.Лужковым. Я уже писал в свое время о том, что "государь", в отличие от господина, — хозяин полновластный и безраздельный, хотя это и однокоренные слова. Государь может иметь в своем подчинении господ. Между Иваном III и "Господином государем Великим Новгородом" могут быть договорные, политические отношения, но между государем Иваном III и Новгородом могут существовать только отношения хозяина и холопа. Между Б.Ельциным и Москвой — аналогично. Всякая самостоятельность даже такого гигантского субъекта рассматривается государем как скрытая или открытая мятежность. В крайнем случае, на вооружении государя со времен восточных деспотов был классический способ обуздания элиты — союз с народом. Именно таким образом Б.Ельцину удалось на базе демократии площадей сформировать недоступную для элиты новую российскую власть.

Мой доклад назван "Человек во власти". Следовательно, предполагаются некие антропологические основания для взаимоотношений человека власти и человека во власти. На первый план здесь выступают не проблемы статуса нынешней элиты и ее рекрутирования, а то, чем она мотивируется к политическому и, в частности, избирательному процессу. Базовыми мотивациями российской элиты являются сохранение или повышение статуса, страх и стремление заработать (последнее — в меньшей степени). Чтобы пояснить, чем мотивируется элита в условиях государства и что

¹ *Забелин И.Е.* Государев двор, или дворец. М., 1990. С. 55.

получает государь от элиты, переформулируем выводы СКордонского и отметим, что без "административного капитала", полным владельцем которого является государь, нынешняя русская элита существовать не может. Ее "питательную среду" составляют бывшая номенклатурно-гражданская, номенклатурно-теневая, номенклатурно-криминальная структуры, контролирующие новый капитал через фонды, компании, формирование бюджета (распределение госкредитов, лицензий, льгот). Многие представители элит возглавляют крупные частные компании, сохраняя административную "пуговину" с государственным телом. В сущности, именно тесная связь с новым государством и поддерживает их на плаву. Эта часть элиты — ее верхушка — никогда не будет оппозиционной, она неспособна стать российской Фрондой. Для государя она наиболее удобна, так как ее можно "стричь", не прибегая к государственному рэкету, являющемуся неотъемлемой политико-управленческой функцией нашей административной власти. Ее можно прикрывать.

Остальная, непривилегированная часть элиты (бывшие гражданско-теневая, криминально-гражданская и криминально-теневая структуры) занята тем, что рвется под государеву "крышу". Она недовольна своим положением и может себе позволить роскошь претендовать на роль оппозиции. В принципе ее политический интерес может простираться до смены власти. Она способна отслеживать, инициировать и поддерживать (в основном, правда, тайно) потенциальных лидеров на административный престол. Но есть все основания констатировать, что эта вторая часть элиты стремится не столько к статусу контрэлиты, сколько к полному холопству. Не ненормированный характер дани, а отсутствие надежной "крыши", иначе говоря, патернализма, влекут новую русскую элиту к "враждебной смене", по Бахтину.

Особенность российской политической культуры, пронизанной отношениями государя, делают момент смены власти равным процессу разрушения старого мира. Еще Н.М.Карамзин, описывая конец династии Рюриковичей и избрание Годунова, отмечал: "Государство существовало Государем", способ избрания был опасен: "Кто избирает, тот дает власть, и, следовательно, имеет оную..."¹ И далее об экзистенциальной мотивации наших предков: "Казалось, что все желали одного: как сироты, найти скорее отца..."² Отсюда можно выделить два момента — стремление новых государей как можно дольше, используя административный ресурс, сохранять свою власть и незавидную роль элиты в ее пролонгации.

Проблема региональных выборов давно стала самостоятельной областью исследования наших политологов, достаточно отметить

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 10. Гл. 3. С. 131.

² Там же.

работы В.С.Комаровского, Г.В.Голосова, В.Я.Гельмана и др. Показательно, что в выборный год в "Полисе" была опубликована статья В.Б.Пастухова, главная идея которой сводилась к тому, что "выборы в России не являются институтом демократической смены власти в западном смысле слова, это своеобразная политическая игра"¹. Мне бы хотелось развить эту тему на примере политических процессов в Томской области, а в чем-то и поспорить с автором этой статьи.

Следует отметить, что менее чем за год население нашей области переживает четвертые выборы: губернатора, депутатов федеральной Думы, мэра и Президента России. Такая концентрация в пространственно-временном отрезке позволила томским политологам совместно с коллегами из МВШСЭН начать исследование общей модели избирательной кампании в российском регионе и довольно успешно отслеживать динамику избирательного процесса. В связи с этим мои выводы будут подкрепляться эмпирическим материалом.

Соглашусь с В.Б.Пастуховым, что выборы в России не являются и долгое время не будут являться либеральным институтом смены власти. Поэтому вынесенное в заголовок доклада слово "современный" не имеет никакого отношения к модернизации, а означает всего лишь то, чему мы являемся очевидцами и участниками. Более того, парадигма государствения, редуцированная на уровень субъекта федерации ("Берите столько суверенитета, сколько можете освоить"), превращает данный субъект в период выборов в виртуальное Московское царство, существующее в изолированном информационном поле. И сегодня подтверждаются слова иезуита Кампани о политической культуре той поры, когда москвиты считали, "что их страна и образ жизни — самые счастливые из всех... Когда же при них хвалят обычаи и нравы какой-нибудь другой страны или показывают им что-нибудь новое, они говорят: "Великий государь все это ведает и имеет гораздо больше того"². Эти слова имеют прямое отношение к "брачному периоду государя с народом" даже на региональном уровне. Например, в период выборов томского губернатора средства массовой информации расписывали нашу область как такую страну Муравию, что некрасовские мужички уж точно остались бы в ней навсегда: и падение производства здесь меньше, чем в самой Москве, и дороги самые лучшие в регионе. Что же касается сельского хозяйства, то подданные соседнего тулеевского Кузбасса, патернализм которого стал легендарным, по словам опять же нашего корреспондента, изумлялись тому, какие условия

¹ Пастухов В.В. Власть и общество на поле выборов, или игры с нулевой суммой // Полис. 1999. № 5.

² Цит. по: Люкс Л. Государство правды // Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. Сб. статей. М., 1993. С. 15.

наш губернатор создал своим крестьянам. Словом, "наш государь имеет гораздо больше того".

В условиях подобной базовой политической культуры выборы "государя" в идеале превращаются в выборы из одного. Но это отнюдь не формализм или фикция. Чем меньше оснований для демократических выборов, тем больше ритуализма и помпезности в избирательных кампаниях. Они все больше носят характер антропологического псевдорасставания с властью (в нашем случае губернатор освободил должность 18 сентября 1999 г.) и "счастливого" возвращения власти-собственности (19 сентября В.М.Кресс в третий раз "завоевал" кресло губернатора).

В этот период выборов проявляется главная политическая сущность элиты: всеми своими ресурсами — от подношения дани и организации шоу до мобилизации народа — она демонстрирует свою верноподданническую приверженность государю. Элита понимает, что конститутивная смена власти является периодом ее ротации, когда можно либо приблизиться к трону, попасть под "крышу", либо потерять расположение главного начальника. В силу этого выборный процесс приобретает далеко не плановый размах. Отыскиваются политические противники среди оппозиции, клеймятся предатели, выстраиваются по росту "независимые" средства массовой информации. В сущности, кампании подобного типа, когда реальных претендентов на престол нет, обретают характер превентивной победы элиты над народом и, добавлю, над здравым смыслом.

Государение торжествует победу и над политикой. В коренной основе государствения или безраздельного господства лежит не нуждающаяся в легитимации собственность, о чем в свое время писал М.Вебер в "Хозяйстве и обществе". Это всего лишь ритуальное обновление власти-собственности, не подчиняющееся законам политической игры. И в этом наши точки зрения с В.Б.Пастуховым расходятся. Ведь если наши выборы не похожи на западный демократический образец смены власти, то и наша политическая игра не может расцениваться по рациональному критерию разделения игр с нулевым или ненулевым результатом. Ф.Знанецкий определял игру как "любое действие, осуществляемое свободно и стихийно и доставляющее положительные эмоции от его свершения". Следует предположить, что, если заранее известно, кто и с каким счетом выиграет, особого интереса к игре не возникает, во всяком случае у тех, кто не являются фанатами власти или какой-то политической трибы (последние даже в самых нездоровых обществах не превышают более 10%).

Демократическая процедура выборов оставляет вопрос о результате игры в известной степени открытым до самого конца. Игра по-русски заранее расставляет все по своим местам. Остается открытым лишь вопрос: что получит безумец, всерьез севший играть на власть с профессионалом. В 1992 г., анализируя особенности отечественной политической игры, мы писали, что основным ее

"достижением" является безнормность, в которой власть творит произвол и ограничена только "правилами внутреннего распорядка", а народ перманентно прощает власти все ее прегрешения, вольные и невольные¹.

Власть, по Достоевскому, привыкла делить игру на джентльменскую и "игру всякой сволочи". Государь и элита при этом образуют джентльменскую пару, которая в период выборов вынуждена опускаться до игры с народом. Ресурсы представителя властвующей элиты и народа в политической игре различны. Отдельный представитель элиты, потеряв ставку в политической кампании, остается "при должности" или с солидной компенсацией. Отдельный представитель народа, проиграв, не разгадав карт играющих против него политиков, будет принужден доигрывать даже вопреки его воле. Здесь вспоминается великолепный пример с Ноздревым: "Знаем мы вас, как вы плохо играете! — сказал Ноздрев, подвигая шашку, да в то же время подвинул обшлагом рукава и другую шашку". А когда политическое шулерство пытаются разоблачить и народ начинает возмущаться, утверждая, что играть с властью с этих пор никогда не будет власть объявляет, что он обязан играть, так как игра уже начата. И даже в сердцах смешав шашки, наш народ слышит: "Я тебя заставлю играть! Хотя ты и смешал шашки, но я помню их расстановку. Мы снова поставим их так, как были"². Попробуйте отказаться играть, когда участие представителя народа мотивируется сохранением рабочего места в условиях сельской безработицы, когда только накануне (и по поводу) выборов гасится полугодовая задолженность по зарплате, когда директора школ, получающие с недавнего времени зарплату госслужащих, контролируют поведение учительства.

Таким образом, в парадигме государствения политическая игра — это практически всегда игра с результатом, выгодным власти. На пресс-конференции по поводу отставки Б.Ельцина и объявления досрочных выборов президента томский губернатор заявил: "Будь моя воля, я бы и три месяца не стал ждать, а совместил бы выборы президента с выборами мэра (Томска. — *А.Щ.*) в феврале". Вот такой томский пупоцентризм! Далее по тексту пресс-конференции: томская модель выборов губернатора (а именно ее томские политики окрестили как административно-силовую) предлагается как образец и на выборах мэра, и на выборах президента. Реагируя на итоги думской кампании, в которой Лигачев победил, поддерживаемого местными властями Сулакшина, губернатор заключает: "Результаты выборов доказали: на выборах надо строиться"³. Таким

¹ Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Консерватизм: Удила или путы? // Вестник высшей школы. 1992. № 7-9.

² См.: Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Указ. соч. С. 79-81.

³ Халин В. Кресс намерен поддерживать Путина // Красное знамя. 2000. 6 янв.

образом, предлагается "демократия холопов", во главе которой стоит элита. Не знаю, какую услугу мы окажем В.Путину верно-подданническим стремлением поскорее произвести его в государи, но России и власти — дурную. Как недавно писал В.Третьяков¹, можно приветствовать авторитаризм В.Путина, но не надо создавать из него культ, не стоит устраивать безальтернативных выборов. Не надо повторять бесовщину избрания Годунова, когда "бесчисленное множество людей, в кельях, в огаде, вне монастыря, упало на колени, с воплем *неслыханным*: все требовали царя, отца, Бориса!"

В течение года мы в Томске имели возможность трижды наблюдать перенос сроков выборов — губернатора, мэра, и наконец, президента. Использование такой техники позволяет сконцентрировать ресурсы на коротком отрезке времени. Нанести упреждающий удар соперникам, ориентирующимся на выборы в конституционные сроки, и организовать политический "киндермат". Можно изменить и Устав области, чтобы допустить третий срок правления, ведь воля государя "не посужается". Итоги выборов губернатора внушили некоторым чиновникам такой оптимизм, что они заявляют о готовности, если надо будет, пойти и на четвертый срок — возраст у государя еще молодой.

Таким образом, вырисовывается тенденция к тому, что местная элита и "региональный сколок" элиты федеральной своим положением государевых данников принуждены к сотрудничеству с действующей властью. Может ли быть иначе? Да, если в регионе с сильным идеологическим противостоянием лидер-оппозиционер достаточно силен или если он меняет должность высшего федерального чиновника на шанс стать губернатором, или если это сильный мэр, имеющий не меньше шансов приручить элиту, чем глава областной администрации.

Сама же элита должна вести себя максимально осторожно, сотрудничая со всеми (явно или тайно), и не забывая о своих заслугах в случае победы. Вот здесь элита даже в условиях государствения должна быть чрезвычайно "политичной", она не может следовать примеру дона Идальго Ламанческого. Дивиденды с положения Санчо Пансо ее "служилой" натуре более милы и выгодны. Но даже когда некоторая часть российской элиты противостоит власти, она не превращается в контрэлиту. И государем, и народом, и в собственной оценке она рассматривается скорее как бунтарская оппозиция. Побеждая (как в случае с избранием Е.Лигачева) в конкурентно-эшелонированной модели избирательной кампании, она не без основания опасается последствий. Она законным путем добивается отмены решения о переносе сроков выборов мэра и, радуясь успеху, одновременно боится санкций со стороны государя. Перефразируя Евангелие, можно сделать вывод, что у нас в России "много званных" на выборы и много "построенных", "но мало избранных".

¹ Независимая газета. 2000. 1 янв.